18+

МИХАИЛ СТЕФАНОВИЧ

ДНЕВНИК «СВИРЕПОГО» ВРЕМЕНИ

Михаил Стефанович
Дневник «свирепого» времени

https://litres.ru/74834748
ISBN 9785007160094

Аннотация

Макс — офисный клерк, решивший стать «духовным супергероем».

Отчёты, планёрки, домовые чаты — Макс наш сосед. Он учит древнегреческий, ведет дневник и анализирует коллег и соседей через библейские пороки.

Но чем усерднее Макс ищет «высокие материи», тем больше превращается в зануду, который «благословляет» принтер и ссорится с женой.

Стендап о том, что быть настоящим человеком — это не цитировать священнописцев, а просто вовремя вынести мусор, заметить усталость близкого и позвонить маме.

Содержание

Благодарности 7
Обязательное предисловие 8
Вступление 9
Неделя первая 12
Понедельник, 15 сентября 12
Утро. 6:20 12
День. 10:05 13
Вечер. 19:35 14
Вторник, 16 сентября 15
Утро. 6:30 15
День 15
Чат жильцов нашего района. 8:47 16
Офис 17
Вечер. 20:20 17
Среда, 17 сентября 19
Утро. 6 с чем-то. Не посмотрел на часы 19
День. 9:45 19
Вечер. 19:00 20
Вечер. 23:35 21
Четверг, 18 сентября 22
Утро. 6:30 22
День. Обеденный перерыв 23
Чат жильцов. 14:22 23

Офис. 14:24 24
Вечер. 19:10 25
Пятница, 19 сентября 26
Утро. 6:25 26
День. 11:10 27
Вечер. 18:55 27
Вечер. 21:15 29
23:45. Дом. Подушка 30
Неделя вторая 33
Понедельник, 22 сентября 33
Утро. Тихое время 33
День. Офис 33
Обед. Столовая. 13:05 35
Вечер. Дом. 19:50 35
Вторник, 23 сентября 37
Утро. 6:30. Тихое время 37
Утро. 8:10 38
Обед. Офис. 13:00 39
Вечер. Офис. 17:50. Конец дня 40
Вечер. Дом 41
Среда, 24 сентября 44
Утро. Тихое время 44
Офис. Утро. 10:00 45
Вечер. 19:05 46
Вечер. После группы. 21:40 47
Четверг, 25 сентября 49

Утро. 6:40 49
13:15. Офис 50
16:40. Чат жильцов 51
Вечер. 22:10 51
Пятница, 26 сентября 53
Утро. 6:45 53
Вечер. 19:30 54
Вечер. 22:45 56
Суббота, 27 сентября 57
Утро. 7:50 57
14:00 58
Вечер. 23:00 59
Воскресенье, 28 сентября 61
Утро 61
Утро. 9:30. Церковь. Парковка 62
10:00. Собрание 63
11:40. После проповеди. Чаепитие 63
12:00. Стоянка 64
Вечер. 19:00. Ужин 65
20:30. Кухня 65
22:30. Спальня 67
Неделя третья 68
Понедельник, 29 сентября 68
Утро 68
Конец ознакомительного фрагмента. 69

Дневник «свирепого» времени

Михаил Стефанович

© Михаил Стефанович, 2026

ISBN 978-5-0071-6009-4
Создано в интеллектуальной издательской системе Ridero

Благодарности

Господу Богу за людей, ситуации и книги, которые Он мне посылал в определённое время и которые послужили богатым иллюстративным фондом для создания этого труда;

Людям простым и «титулованным», христианам и нет, за то, что помогли мне не только лучше понять суть и причину тех или иных явлений, описанных в этом труде, но и увидеть эти явления в себе;

Адриану Плассу за его «Дневники», которые показали мне, что о серьёзных вещах можно и нужно говорить не только серьёзно, но и языком шаржа.

Обязательное предисловие

Все персонажи и события данной книги вымышлены, любые совпадения — случайны.

В книге нет сцен употребления алкоголя, никотиносодержащих и запрещённых средств, но на всякий случай заявляю: автор не рекламирует и не одобряет эти явления.

В книге встречаются упоминания мессенджеров и соцсетей, но поскольку я не могу быть точно уверен, деятельность каких из них на сегодняшний день запрещена, автор решил оставить их безымянными.

И последнее: мнение автора книги не всегда совпадает с мнением персонажей.

Вступление

— Макс! Кофеварка! — раздался голос из кухни.

— Макс не кофеварка! Макс — человек! — пытаюсь пошутить.

Привет. Макс это я. Офисный клерк из административно-хозяйственного отдела холдинга «ЮгХимГазФарм», муж, отец троих детей шести, двенадцати и пятнадцати лет. А голос из кухни — познакомьтесь, моя жена, Алиса.

— И что с ней?

— Откуда я знаю? Шипит.

Кто тут шипит? — так и рвётся с языка очередная колкость, но… Лучше не буду задавать этот вопрос в наши непростые, тяжкие времена. Именно так, «тяжкие». Не «сложные», не «трудные», не «нелёгкие». «Тяжкие» — это моё слово, не из новостей и не из разговоров на кухне. Из Библии. Точнее, из того места, которое я читаю по утрам, если только меня не отвлекают всякие кофеварки.

Шипит кофеварка. Шипит соседский кот, когда я прохожу мимо. Шипит Аркадий Витальевич в трубку, когда поставщик из Дели не отвечает на почту третий день. Шипит что-то в мире вообще. Что-то, что не хочет, чтобы его замечали. Что-то, что притворяется обычным фоном, будто так и надо, будто так было всегда.

«В Эдеме тоже шипели. Точнее, шипел один. И от его ши-

пения мир стал „непростым“», — это уже я не могу сдержать внутри себя свою духовность.

Так вот, моя Библия называет эти времена не «непростыми», а «тяжкими». «Свирепыми» даже. Но об этом позже. А пока, о главном.

Почему я пишу этот дневник? Не знаю. Точнее, знаю.

Каждое утро я читаю Библию. Каждое утро я что-то понимаю. Иногда маленькое, иногда побольше. Иногда просто слово, которое раньше не замечал. И каждый день к обеду я это забываю. Не специально. Просто жизнь. Просто работа. Просто кофеварки, коты, поставщики из Дели, отчёты, дети, пробки.

Вечером ложусь в подушку и думаю: а что я утром-то читал? Что понял? Что-то было. Что-то важное. Но что?

Этот дневник — попытка не забыть. Не для публики. Не для церкви. Для себя. Хотя… «Для себя» звучит слишком честно для утра. «Для будущих поколений» звучит достаточно пафосно, чтобы не стыдно было начать. Пусть так и будет: для будущих поколений. А там посмотрим, кто прочитает.

Ах да, работа. «ЮгХимГазФарм». Холдинг. Поставки замороженной кенгурятины из Индии. Да, из Индии. Я тоже удивился. Кенгуру не живут в Индии. Но замороженная кенгурятина откуда-то оттуда приходит, и Аркадий Витальевич — мой шеф, — говорит, что это «стратегическое направление». Ещё мы поставляем медицинские гаджеты: ингаляторы, ионизаторы, что-то, что напоминает товары из телема-

газина. «Четыре платежа по 999 рублей!» И запускаем линию по производству обогащённого глюконата кальция в кишечнорастворимых капсулах. Обогащённый. Чем, не спрашивайте. Я из АХО. Я решаю проблемы с туалетной бумагой, ремонтом офисных и производственных площадей и заказываю минералку на переговоры. Вобщем, всякой ерундовинкой. Как говорит Алиса: «Главное, чтобы ерундовинка была намоленная».

Это она так шутит. Или не шутит. Точно не знаю.

Неделя первая

Понедельник, 15 сентября

Утро. 6:20

Читаю 2 Тим. 3:1. «Знай же, что в последние дни наступят времена тяжкие».

Первое слово. «Знай». По-гречески «гиноске». Павел не призывает к абстрактному знанию фактов. Не «выучи и запомни». Гиноске это знание на опыте. Лексиконы Стронга дают целую цепочку: «познать, узнать, почувствовать, испытать».

То же слово стоит в 2 Тим. 2:19: «познал Господь своих». То есть узнал, как узнают своих. Не по списку. По имени. По сердцу.

То же слово в Матф. 1:25: «и не знал Её, как наконец Она родила Сына». «Знал» — это гиноске. Не «получил информацию». Интимное, брачное знание. Близость.

То же слово в Еф. 3:19: «уразуметь превосходящую разумение любовь Христову». Не «вычислить». Пережить.

Павел говорит: ты должен знать, что наступят тяжкие времена, так же, как знаешь голос жены на кухне. Так же, как

знаешь запах дома. Так же близко. Так же интимно.

Решил: сегодня попробую «узнать» это. Не выучить. Узнать. Прожить. Посмотреть, что это значит, «тяжкие времена», не в комментариях, а в очереди, в офисе, дома.

День. 10:05

Совещание у Аркадия Витальевича. Обсуждаем партию глюконата кальция.

— Нам нужно понимать рынок, — говорит Аркадий Витальевич, и смотрит на всех так, будто рынок это живое существо, которое нужно «понимать», как жену. (Ага! Меня озарило! Нам надо «гиноске» рынок).

— Мы запускаем новую линейку, — продолжает он. — Кишечнорастворимые капсулы с повышенным содержанием. Наш поставщик из Индии…

Людмила из бухгалтерии шепчет Олегу Петровичу: «Опять кенгурятина зависла на таможне. Равик не отвечает». Олег Петрович кивает. Он кивает на всё. Если Аркадий Витальевич скажет «Пришествие в четверг после обеда», Олег Петрович кивнёт.

— Нам нужно понимать, — повторяет Аркадий Витальевич.

Я записываю в блокнот: «понимать». Гиноске. Он не знает, что использует библейское слово. Он не знает, что «понимать рынок» это не «гиноске». Это статистика. «Гиноске»

— это когда сердце узнаёт.

Людмила знает всё про всех. Кто с кем, кто кому, кто сколько. Она «знает». Но её знание не гиноске. Её знание это лексикон. Список фактов без близости.

Олег Петрович «знает», что кальций помогает от всего. Он искренне верит. Глаза горят. Но вера в кальций это не гиноске. Гиноске это когда знаешь Того, Кто создал кальций.

Прости им, Господи, ибо не ведают. Не гиноске. Впрочем, не судите, да не судимы будете — а если очень хочется, то хотя бы про себя.

Вечер. 19:35

— Ты лампочку в коридоре поменял? — спрашивает Алиса.

— Я знаю, что надо поменять.

— Ты «знаешь» уже три месяца. «Знать» это не «поменять».

Я открываю рот, чтобы ответить. Закрываю. Она права. Гиноске это не «знать, что надо». Гиноске это сделать и прожить. Я знаю, что лампочка перегорела. Знаю, где новая. Знаю, где стремянка. Но три месяца хожу в темноте.

Я знаю, что в последние дни наступят тяжкие времена. Знаю. Гиноске? Нет. Пока нет.

Прости, Господи, … мне.

Вторник, 16 сентября

Утро. 6:30

Снова 2 Тим. 3:1. «Знай же, что в последние дни»…

«В последние дни». На первый взгляд, что-то эсхатологически далёкое. Что-то там, в будущем. Может, через тысячу лет. Может, завтра. Лучше попозже. Но точно «не сейчас». «Сейчас» это просто обычный вторник.

Но. Вспомнилось: Деяния 2:17. Пётр в день Пятидесятницы цитирует Иоиля: «И будет в последние дни, говорит Бог, излию от Духа Моего»… Пётр говорит: это происходит сейчас. Пятидесятница это «последние дни». Начались. Две тысячи лет назад.

Значит, «последние дни» не «когда-то потом». Это «уже». Это «сейчас»? Это каждый мой вторник. Каждый понедельник. Каждое утро, когда кофеварка шипит.

Решил: сегодня буду жить так, как будто «последние дни» — это сегодня. Потому что это так.

День

Чат жильцов нашего района. 8:47

«Уважаемые соседи! Предлагаю обсудить замену почтовых ящиков. Старые ржавые, ключи не поворачиваются. Скинемся по 500 руб с квартиры. Кто за?»

Это Геннадий с третьего этажа. Геннадий инициатор. Геннадий всегда инициатор. Геннадий первый этаж, ему ящики не особенно нужны, зато ему нужна новая входная дверь, и если ящики менять, то и дверь «заодно». «Заодно» любимое слово Геннадия.

Я набираю: «А кто устанавливать будет?» Удаляю. Набираю: «Интересно, а смета есть?» Удаляю. Набираю: «За». Отправляю.

Потом читаю. Сорок три сообщения. Геннадий: «Это для блага всех!» Марина с пятого: «А кто проверял, что старые ржавые? У меня нормальный». Геннадий: «Марина, вы на пятом, вам не видно, как на первом». Кто-то: «А может, лифт сначала?» Лифт больная тема. Сорок сообщений о лифте. Ящик забыт.

Все живут так, будто «последние дни» это «когда-то потом». И ящик нужно менять сегодня. И лифт нужно чинить сегодня. И коты сегодня гадят. И ничего не «последнего». Всё «продолжающееся».

Прости им, Господи, ибо не ведают. Не знают, что «последние дни» это сейчас. Что ящик может и подождёт. Хо-

тя… нет, ящик не подождёт. Алиса сказала.

Офис

Равúк из Дели не отвечает на почту. Третий день. Аркадий Витальевич: «Напишите ему ещё раз. Подчёркнутым шрифтом. Может, не заметил». Я пишу. Подчёркнутым шрифтом. Равúк не ответит. Равúк никогда не отвечает вовремя. Но кенгурятина приходит. Откуда-то.

Вечер. 20:20

Тима делает уроки. Математика. Я прохожу мимо, заглядываю в тетрадь.

— Пап, а если Второе Пришествие завтра, мне уроки делать?

Я смеюсь. Он не смеётся. Он ждёт ответа. Ему пятнадцать. Он спрашивает серьёзно.

— Делай, — говорю. — Мало ли что.

— То есть делать?

— Делать.

Он пожимает плечами и пишет. А я стою в коридоре и думаю: «мало ли что». Я сказал «мало ли что». Про Второе Пришествие. Про «последние дни». «Мало ли что». Как будто это погода. «Мало ли что, вдруг дождь пойдёт».

Я тоже живу так, будто «последние дни» это «когда-то по-

том». Уроки сейчас — важнее.

Среда, 17 сентября

Утро. 6 с чем-то. Не посмотрел на часы

Читаю 2 Тим. 3:1. «…наступят времена тяжкие».

«Наступят». По-гречески эпистеми. Не «придут постепенно». Не «появятся». Эпистеми — это «надвинутся», «нависнут». Буквально «встанут над». Как туча, которая была за горизонтом, и вдруг над головой. Как дамоклов меч, который не просто висит, а опускается.

Тот же корень в Луки 21:34: «да не отягчаются сердца ваши объядением и пьянством и заботами житейскими, и вдруг не постиг вас день тот». «Постиг» — это эпистеми. Внезапно. Без предупреждения.

Павел не говорит «тяжкие времена подкрадутся». Он говорит «надвинутся». Гроза, которая уже за горизонтом. Уже слышен гром. Но мы сидим на веранде и пьём чай.

Решил: сегодня буду смотреть, как «наступает». Не ждать, когда. Замечать, как.

День. 9:45

Аркадий Витальевич вызывает на ковёр.

— Реструктуризация отдела. Нужно оптимизировать. К

пятнице список мероприятий.

Никакого предупреждения. Вчера обычный день. Сегодня — «к пятнице». Эпистеми. Надвинулось.

Я сижу и составляю «список мероприятий». «Оптимизация расходов на канцтовары». «Сокращение маршрутов доставки воды». «Переход на электронный документооборот». «Сокращение»… нет, это не мне. Это Аркадию Витальевичу. Я решаю проблемы с туалетной бумагой. Если «оптимизировать» туалетную бумагу, будет «тяжкое время» для всего офиса.

Вечер. 19:00

Домашняя группа. У Петра дома. Чай, печенье, Слово. Нас человек десять. Зоя и Валентин на своих местах. Зоя всегда сидит у стены, спина прямая, Библия на коленях. Валентин рядом, кивает.

Сегодня Зоя говорит: «Брат Степан отпал. Не ходит третий месяц. Это наступление мира на церковь. Времена тяжкие наступают».

Пётр: «Зоя, Степан в командировке. На Сахалине. Третий месяц».

Зоя: «На Сахалине от церкви не отпадают?»

Валентин кивает.

Я наблюдаю. «Наступление». Зоя видит «наступление» там, где его нет. Степан на Сахалине. Степан звонил мне на

прошлой неделе. Скучает. Просит молиться. Но Зоя уже решила: «отпал». Эпистеми в её голове. Она сама надвинула на Степана.

Прости им, Господи. Зое и Валентину. И мне тоже, потому что я тоже так делаю. Только про других людей.

Вечер. 23:35

Ночью гроза. Саша, шесть лет, просыпается, плачет. Гром. Я иду к нему, сажусь на кровать, обнимаю.

— Не бойся. Это просто гром.

— А гром страшный?

— Нет. Это просто… — я хочу сказать «просто звук», но думаю: эпистеми. Надвинулось. Без предупреждения. Саше страшно. Мне нет. Почему мне не страшно? Потому что я «знаю», что гром это электрический разряд. Факт. Информация. Не гиноске.

А «наступят времена тяжкие» это не гром. Это громче. Это над нами. А я не боюсь.

Или боюсь, но не того? Я боюсь «реструктуризации». Боюсь, что Равик не ответит. Боюсь, что Алиса спросит про лампочку. А «наступят времена тяжкие» — нет. Не боюсь. Потому что «наступят» это «когда-то». А «реструктуризация» это «к пятнице».

Прости, Господи, мне.

Четверг, 18 сентября

Утро. 6:30

Читаю 2 Тим. 3:1. «…наступят времена тяжкие».

«Тяжкие». По-гречески «халепой». Это слово в Новом Завете встречается всего дважды. Здесь, в 2 Тим. 3:1, и в Матф. 8:28. В Матфее — в описании Гергесинских бесноватых. Перевод: «свирепые». «И когда Он прибыл на другой берег в страну Гергесинскую, Его встретили два бесноватые, вышедшие из гробов, весьма свирепые, так что никто не смел проходить тем путем».

Свирепые. До такой степени, что мимо не пройдёшь. Не «неприятные». Не «досадные». Свирепые. С ними невозможно справиться. Невозможно договориться. Их не подкупишь. Ни физически, ни лаской, ни совестью. Никак.

Павел говорит: такие же времена наступят. Не «такие же бесноватые», а «такие же времена». Время, мимо которого не пройдёшь. Время, с которым не справишься. Время, которое «свирепое».

Решил: сегодня буду наблюдать за «халепой». Не бесноватыми. Их в офисе не держат. Свирепое время. В «Магните», в чате, в офисе, дома.

День. Обеденный перерыв

«Магнит». Очередь. Женщина передо мной ругается с кассиром. Из-за пакета. Пакет порвался. Молоко. Залито всё. Женщина кричит. Кассир кричит. Очередь ждёт. Мужик сзади меня вздыхает: «Времена».

Вот оно — тяжкие. Мимо не пройдёшь. Очередь стоит. Женщина кричит. Кассир кричит. Все стоят. Никто не проходит. «Никто не смел проходить тем местом».

Чат жильцов. 14:22

«Чей кот гадит на газон у подъезда №3??»

Это Тамара. Тамара из третьего подъезда. Тамара ненавидит котов. Котов всех.

«Это свинство! Дети играют на газоне!»

«Свинство — это когда свиньи. А когда коты — это котовство (смайлик)».

«А когда острят не по делу — это не островство, это совсем наоборот — тупость!»

Сорок семь сообщений за полчаса. Кот. Газон. Дети. «Свинство». Тамара это халепой. Мимо не пройдёшь. Кот, может, и пройдёт мимо. Но Тамара нет.

Офис. 14:24

Аркадий Витальевич:

— Макс, мы тут с маркетингом обсудили. Хотим «освятить» партию кальция.

Я поднимаю голову от «списка мероприятий».

— Что «освятить»?

— Ну, помолиться над партией. Пастор Пётр согласился. «Намоленный» кальций. Освящённый. Словом Божиим и молитвою. Как в Первом Тимофею.

— Аркадий Витальевич, это… глюконат кальция.

— Да. Кишечнорастворимые капсулы. С повышенным содержанием.

— Вы хотите молиться над… капсулами?

— Над партией. Мы же не над каждой капсулой. Над партией. Это добавленная стоимость. Духовная.

Я молчу. Я из АХО. Я решаю проблемы с водой в кулере и бумагой в принтере. Не мне решать вопросы «намоленного кальция».

Но думаю: 1 Тим. 4:5. «Освящается словом Божиим и молитвою». Павел имел в виду еду. Обычную еду. Принимать с благодарением. А не маркетинговую стратегию. «Духовная добавленная стоимость» это не «благодарение». Это ценообразование.

Прости им, Господи. Аркадию Витальевичу. И мне, пото-

му что я молчу. Сижу и молчу. И составляю список мероприятий по оптимизации туалетной бумаги. Пока «намоленный кальций» продаётся как «обогащённый и освящённый».

Вечер. 19:10

Ужин. Саша ест суп. Саше шесть лет, суп не его любимое блюдо. Там варёный лук. И морковь. Ложка. Ещё ложка. Ложка летит. Суп за ложкой — на стол, на пол, на Сашу.

— Опять!

Я не кричу. Но голос тот. Тот самый. Которым говорят, когда устали. Когда «хватит». Когда «вечно ты».

Саша смотрит на меня. Глаза большие. Не плачет. Просто смотрит. Вот так смотрят, когда не понимают, почему большая тень над ними кричит из-за супа.

И я вижу. Халепой. Не Саша. Я. Я халепой. «Мимо не пройдёшь». Саша не может пройти мимо меня. Я его «свирепое время». Не «Магнит», не чат, не кенгурятина. Я. Из-за супа.

«Весьма свирепые, так что никто не смел проходить тем местом».

Прости, Господи, … мне.

Пятница, 19 сентября

Утро. 6:25

Читаю 2 Тим. 3:1—2. «Знай же, что в последние дни наступят времена тяжкие. Ибо люди будут»…

«Ибо». Потому что. Не отдельное предложение, а причина. «Знай, что времена тяжкие наступят, потому что люди будут»… Не «времена тяжкие наступят, а потом люди станут плохими». Нет. Времена тяжкие потому что люди. Люди — причина времён. Не обстоятельства, не экономика, не политика. Люди.

«Люди». По-гречески антропои. Не «некоторые люди». Не «те люди». Антропои. Люди. Все. Любые. В том числе — читающий.

«Будут». Не «могут быть». Не «возможно». Не «если повезёт». «Будут». Утверждение. Не предположение.

Но «будут». Не «уже есть и это навсегда». Настоящее, хотя и будущее. Настоящее, но не вечное. Есть сейчас, но «будут» — значит, это состояние, а не сущность? Не «люди таковы», а «люди будут таковы в эти дни». Надежда? Может быть. Может быть.

Решил: сегодня буду смотреть на «людей». И на «будут». И на себя, где я буду в этом «будут».

День. 11:10

Офис. Все «люди».

Аркадий Витальевич — «люди». Решает судьбы партий кальция с видом пророка. «Намоленный». «Освящённый». «Добавленная стоимость». Это самолюбие? Или сребролюбие? Или просто бизнес? Нет, «бизнес» — это когда ты продаёшь то, что работает. «Намоленный кальций» это когда ты продаёшь молитву. Чужую. Петра. По 999 рублей за банку.

Людмила — «люди». Знает, кто с кем. Шепчет. Это злоречие? Или «просто делюсь»? «Просто делюсь» — любимое оправдание злоречивых.

Олег Петрович — «люди». Кивает. Всегда кивает. Это надменность? Или «мир дому вашему»? Нет, «надменность» — это когда ты считаешь себя выше. Олег Петрович не считает себя выше. Он считает себя «на уровне». Это хуже. «На уровне» это когда тебе не нужно расти.

Все «люди». Все «будут». Все из списка.

Вечер. 18:55

Пятница вечером дедуктивное изучение Библии. Обычно в подвале библиотеки. Сегодня у Петра дома, после работы. В подвале — ремонт. Маленькая группа. Чай, Библия, блокноты. Я вожу ручкой в блокноте с енотом на обложке. «Мой

дневник». Алиса подарила. Сказала: «Пиши, раз умный». Не уверен, что «умный» — это комплимент.

Сегодня я применяю «дедуктивный метод». От общего к частному. От принципа к применению. Принцип: «люди будут самолюбивы, сребролюбивы, горды»… Применение: ищу примеры. В офисе, в чате, в церкви, дома.

Нахожу. Много. Очень много. Слишком много. Все подходят. Каждый под что-то подходит.

Пётр смотрит на мой блокнот.

— Макс, ты всё записываешь?

— Да. Дедуктивный метод. От общего к частному.

— От общего к частному. Это когда вывод сначала, а доказательства потом?

— Нет. Это когда принцип из Писания, а применение в жизнь.

— А когда ты сначала молишься, а потом смотришь?

— Это… другое.

Пётр улыбается. Не зло. Мягко. Но я понимаю: он спрашивает не про метод. Он спрашивает про меня. Про то, смотрю ли я на «людей» или на себя. «Дедуктивный метод» удобен: начинаешь с «люди будут» и находишь именно это. Всегда найдёшь. Потому что ищешь.

Прости им, Господи.

Вечер. 21:15

Алиса заглядывает в мой блокнот. Я не успеваю закрыть.

— Опять пишешь?

— Записываю.

— Про людей?

— Про «люди будут». Это утверждение, не предположение. Павел не говорит «возможно». Он говорит «будут».

— И ты тоже люди?

— Я не люди. Я Макс.

Тишина. Алиса смотрит на меня. Не зло. Не саркастично. Просто смотрит. Как смотрят, когда ждут, пока ты сам догадаешься.

— «Люди», — повторяю я. — Антропои. Все. Любые. В том числе…

— В том числе …, — продолжает нараспев Алиса.

— …в том числе я?

Тишина. Я сижу с блокнотом, на котором енот. Енот смотрит на меня с обложки. Енот тоже «люди». Наверное. Или хотя бы «будут».

«Будут». Не «есть навсегда». Это надежда? Что «будут», но потом перестанут? Что халепой это состояние, а не сущность? Что я не «свирепый», а «буду свирепым», пока… пока что?

Пока Он не скажет слово.

Но об этом потом.

Помоги, Господи, мне.

23:45. Дом. Подушка

Алиса уже спит. Я лежу. Енот на тумбочке. Пять дней — пять записей. Каждое утро — теология. Каждый день — наблюдения. Пять вечеров — «прости, Господи, мне».

Алиса не спит. Открывает один глаз:

— Не спишь?

— Думаю.

— О чём?

— О дневнике. О пяти днях. О том, что каждый день — одинаково. Утром — умный. Днём — правый. Вечером — кающийся.

Алиса открывает второй глаз:

— Ты заметил?

— Заметил. И что?

— Макс. Ты каждый день пишешь: утром — анализ текста, днём — какие все плохие, вечером — какой ты тоже плохой. А потом — «прости, Господи, мне». И завтра — то же самое. Ты заметил, что это — цикл?

— Ну да. Разве не так? Ошибся — понял — покаялся — дальше.

— Может быть. Но вот что я вижу: тебе нравится этот цикл. Тебе нравится быть теологом утром. Нравится судить

днём. Нравится каяться вечером. Все три — тебе приятны.

Молчу.

— Утром ты — умный. Днём ты — правый. Вечером ты — смиренный. Все три — про тебя. Все три — тебе служат. Макс… это же и есть…

Она не договорила. Но я знаю что она имела в виду. Я утром читал.

Дневник — про Бога? Или про меня? Про «свирепые времена»? Или про то, какой я наблюдательный? Про 2 Тим. 3? Или про то, как я «академически» выше всех этих людей, которые «не ведают»?

Я пять дней молился «прости им» — и пять дней молился «прости мне» — но и «прости им», и «прости мне» — с одного места. С того места, где я стою над ними. Над ними — и над собой. Ничтожным. Который «снова ошибся». Который «опять покаялся». Который — смиренный.

Смиренный. Какой удобный грех.

Алиса:

— Ты молчишь. Значит — попала.

— Попала.

— Ну и хорошо. Спи. Завтра суббота. Поменяешь туалетную бумагу.

Тишина. Енот смотрит. Алиса спит. А я лежу и думаю: эгоцентризм — это не когда ты любишь себя больше других. Это когда ты — в центре. Даже когда каешься — ты в центре. Даже когда молишься — ты в центре. Даже когда «ака-

демически наблюдаешь» — ты в центре.

А Павел написал: «почитайте один другого высшим себя». Не «почитай себя ниже других» — это всё та же проекция себя в центр. А — «другого высшим». Другого — на место центра. Не себя — ни вниз, ни вверх. Просто — в сторону. К другому.

Пять дней я был в центре. Утром — в центре. Днём — в центре. Вечером — в центре. И каждый вечер — «прости, Господи, мне» — и я снова в центре. Я — кающийся. Я — наблюдатель. Я — пишу дневник. Я.

Филаутос. На следующей неделе. Не первый в списке по алфавиту. Первый — по сути.

Прости, Господи, мне. Снова.

Неделя вторая

Понедельник, 22 сентября

Утро. Тихое время

Прочитал 2 Тим. 3:2. Первое слово в списке: филаутос. Любители себя. Смотрю в лексикон: от филео, любить, и аутос, себя. Любовь к себе? Так просто? Но оказалось не просто. Не просто эгоизм, не просто себялюбие в бытовом смысле. Самообожание! Обожание. От корня «бог». Корень. Корень всего, что дальше: сребролюбивы, горды, надменны, злоречивы. Девятнадцать пороков растут из одного корня. Всё начинается с «я». Не «я и деньги», «я и слава», «я и власть». Просто «я». Я — алтарь. А всё остальное, это приносимые мне жертвы.

Записал. Молюсь. Господи, покажи мне филаутос в моём дне. Я серьёзно. Я хочу увидеть. Но только академически. Как наблюдатель.

День. Офис

Утреннее совещание. Аркадий Витальевич рассказывает

о росте.

— Наша компания растёт. Я помню, как начинал с одного контейнера. С одного! А теперь у нас логистическая сеть.

Олег Петрович кивает. Он всегда кивает на слова АВ.

— А я помню, как Вы, Аркадий Витальевич, мне говорили: Олег, вот увидишь, мы дойдём до федерального уровня. И мы дошли. И я увидел.

Аркадий Витальевич смотрит на Олега Петровича с тем выражением, которое бывает у людей, когда им напоминают их собственные пророчества, которые сбылись.

Самообожание. Любитель себя. Вижу. Аркадий Витальевич любит себя через рост компании. Олег Петрович любит себя через приближённость к Аркадию Витальевичу. Оба филаутос. Только один любит себя через «я», а другой через «я при нём».

Людмила из бухгалтерии подходит после совещания.

— Макс, ты заметил, как Аркадий посмотрел на Олега? Как на свою собственную статую.

Кивает. Улыбается. Уходит.

Людмила. Самообожание через осведомлённость. Она знает. Она всегда знает. И ей важно, что я знаю, что она знает. Её кивание, это не сочувствие. Это инвестиция. Она вкладывает в меня своё «я знаю», чтобы я вернул ей «ты знаешь». Взаимное признание. Филаутос через обмен знаниями.

Прости им, Господи. Не ведают.

Обед. Столовая. 13:05

Сижу с Виталием из отдела продаж. Виталий рассказывает, как он похудел на восемь килограммов. Показывает фото «до» и «после». На фото «до» Виталий весит сто десять. На фото «после» Виталий весит сто два. Разница есть, но восемь килограммов на фоне ста десяти выглядят как погрешность весов.

— Чувствуешь разницу? — спрашивает Виталий.

— Чувствую.

Самолюбование — это тоже филаутос. Виталий любит себя через похудение. Не через здоровье. Не через самочувствие. Через видимое доказательство, что он может. «Могу». Это его любовь к себе. Способность преодолеть себя ради себя.

Прости, Господи. Не ведает.

Вечер. Дом. 19:50

После ужина сижу за столом. Открываю тетрадь. Записываю утреннее наблюдение про филаутос. Записываю дневное. Про Аркадия, Олега, Людмилу, Виталия. Аккуратно, с датами, с цитатами. Получается богословский анализ рабочего дня. Я доволен.

Алиса проходит мимо. Смотрит через плечо. Молчит.

Уходит.

Через пять минут возвращается. Садится напротив.

— Макс, — говорит. — Ты записал про Аркадия, Олега, Людмилу, Виталия. Про всех. А про себя?

— А что про себя?

— Ты записал, что Людмила инвестирует в тебя своё «я знаю». А ты зачем записал? Чтобы я заметила, какой ты духовный? Чтобы я сказала: Макс, ты такой глубокий, ты видишь то, чего другие не видят?

Молчу.

— Самолюбование, Макс. Через тетрадь. Ты любишь себя через то, что видишь чужие пороки. Записал, чтобы жена заметила, какой ты духовный. Не осуждение, а наблюдение. Как ты любишь говорить.

Она уходит. Я сижу с ручкой.

Она права. Филаутос. Через тетрадь. Через «я вижу». Через «я записал». Через «я лучше, потому что я замечаю». Корень. Тот самый корень.

Прости, Господи, мне.

Вторник, 23 сентября

Утро. 6:30. Тихое время

Прочитал 2 Тим. 3:2. Второе слово: сребролюбивы, филаргурос. Любители серебра. От филео — любить, и аргурион — серебро, деньги. Буквально: любитель денег.

Открываю лексикон. Филаргурос встречается в 1 Тим. 6:10, корень всех зол сребролюбие. И в Лк. 16:14, фарисеи, которые были сребролюбивы. Больше нигде. Какое редкое слово! Редкое — значит ценное, дорогое. Мне уже нравится.

Интересно, а почему «серебро», а не «золото»? Почему не медь? «Меднолюбивы». «Золотолюбивы» — не звучит? Золото — это царственное, пышное. Серебро — это бытовое. Монеты, мелочь, торговля. Филаргурос — это не про царей и не про дворцы. Это про обычную жадность. Про «ещё немножко». Про «мне нужно немного, только чтобы хватало». Сребролюбие, это любовь к деньгам, которая прячется за «хватит на жизнь».

А вот ещё: Павел не пишет здесь «богатые». Не говорит «имущие». Говорит «сребролюбивы». Разница? Богатый может не быть сребролюбивым. Сребролюбивый может не быть богатым. Сребролюбие, это не про количество денег, а про направление сердца. Не «сколько», а «куда». Деньги как

цель, а не как средство. Когда деньги становятся ответом на любой вопрос: «сколько?», «куда?», «зачем?», «почему?».

Думаю дальше. «Самолюбивы» вчера. «Сребролюбивы» сегодня. Связь очевидна: сребролюбие, это филаутос через деньги. Я люблю себя через деньги. Не «я люблю деньги», а «я люблю себя с помощью денег». Деньги, это инструмент филаутоса. Не цель, а средство. Цель, это «я».

Записал. Молюсь. Господи, покажи мне филаргурос в моём дне.

Утро. 8:10

Чат жильцов района. Название «Наш двор. Инфо». Открываю.

Раиса из 12-й квартиры: «Уважаемые соседи! Новые почтовые ящики стоят 4500 рублей на подъезд. Это 375 рублей с квартиры. Прошу всех скинуть до пятницы. Реквизиты прилагаются».

Степан из 8-й: «А кто ставит? Какая компания? Может, дешевле найти?»

Раиса: «Это проверенная компания. Я сама узнавала».

Степан: «А можно название? Я посмотрю».

Раиса молчит час. Потом: «Это надёжная фирма. Они всем ставят».

Степан: «Раиса, я просто хочу сравнить цены. Может, за 3000 найдём».

Раиса: «Степан, я уже всё решила. Кто хочет, скидывает. Кто не хочет, будет без ящика».

Думаю: Раиса сребролюбива. Не в том, что она берёт 375 рублей. В том, что она выбрала «проверенную компанию». Когда проверила? Кого? Свою знакомую? Свою родственницу? Себя? 375 рублей с квартиры, 60 квартир, это 22500. Компания берёт 18000. Разница, 4500. Комиссия. Раиса получает комиссию за заботу о соседях.

Но это не главное. Главное, что она прикрывается заботой. «Уважаемые соседи». «Прошу всех». «Для общего блага». А под этим — филаргурос. Не «я хочу денег», а «я хочу денег через вас, и чтобы вы ещё и благодарили».

Степан. Степан тоже филаргурос. Он не ищет дешевле для соседей. Он ищет дешевле для себя. 375 рублей, это 375 рублей. Но Степану важно, чтобы было «по справедливости». «По справедливости», это когда Степан платит меньше. Его сребролюбие не в количестве, а в принципе. «Я не дам себя обмануть». Тоже любовь к себе через деньги.

Прости им, Господи. Не ведают.

Обед. Офис. 13:00

Звонит Равúк. Наш поставщик из Дели. Кенгурятина.

«Макс-бхаи[1]! Я как раз вам писал! Как раз про следующую партию!»

[1] Бхаи — брат

«Не получил письма, Равúк».

«Да, да, я только что отправил! Проверьте папку спам».

Проверяю. Спам. Пусто. «Равúк, нет письма».

«Значит, ещё не дошло. Почта, знаете, долго идёт».

Равúк. Филаргурос. Он не врёт про партию. Он просто тянет время, потому что ещё не нашёл кенгурятину по старой цене. Цены выросли. Ему нужно сказать нам новую цену, но он знает, что новая цена нам не понравится. Поэтому он «написал», но письмо «не дошло». Сребролюбие через контроль информации. Не «я хочу больше денег», а «я решу, когда вы узнаете, что я хочу больше денег».

Прости, Господи. Не ведает. Хотя, может, ведает. Точно ведает. Вполне осознанно ведает.

Вечер. Офис. 17:50. Конец дня

Олег Петрович заходит. Возбуждённый. Сияющий.

— Макс! Представляешь! Аркадий Витальевич утвердил! Освящение кальция!

— Что?

— Освящение! Глюконата! Мы пригласим пастора, он помолится над партией, и кальций станет намоленным!

Смотрю на Олега. Олег сияет. Олег верит в намоленный кальций. Или делает вид, что верит. Разницы, с точки зрения филаргуроса, нет.

— Олег, а зачем?

— Макс, это маркетинг! Намоленный кальций, это духовная добавленная стоимость! Мы продаём не просто капсулы, мы продаём капсулы с благословением! Это не обман, мы реально помолимся!

— А цена?

— На двадцать процентов выше базовой.

— Двадцать?

— Макс, это намоленный кальций! Двадцать процентов за благословение, это дешевле, чем десятая часть!

Олег Петрович. Сребролюбие. Не «я люблю деньги». «Я люблю себя через продукт, который продаёт духовную добавленную стоимость». Олег не сребролюбив в грубом смысле. Олег филаргурос в тонком. Он верит в продукт. Верит в добавленную стоимость. Верит в двадцать процентов. Его филаргурос прячется за верой в товар.

— А ты сам веришь, Олег? Что кальций намолен и работает лучше?

Олег смотрит на меня. Пауза.

— Макс, я верю, что покупатель в это верит. А во что я верю, это неважно.

Прости, Господи. Хотя он ведает.

Вечер. Дом

После ужина. Настя спрашивает:

— Пап, а когда ты мне телефон купишь?

Настя. Двенадцать. Ей нужен телефон. Всем её одноклассникам нужен телефон. Всем её одноклассникам телефон уже купили. Настя последняя в классе без телефона. Настя каждый день напоминает.

— Анастасия, мы говорили. После дня рождения. (Официально. Строго. Чтоб понимала всю серьёзность момента).

— День рождения в январе.

— Я знаю, когда у тебя день рождения, Анастасия.

— А что, телефон только на день рождения можно?

— Нет. Но мы решили.

— Кто решил?

— Мы с мамой.

— То есть ты.

Алиса из кухни:

— Нась, иди спать.

Настя уходит. Я сижу.

Думаю: почему я сказал «нет»? Потому что телефон стоит денег? Потому что двенадцатилетней не нужен телефон? Или потому что «нет» — это контроль. Контроль бюджета. Контроль ребёнка. Контроль семьи. «Я решаю, когда». Не «мы», а «я». Филаргурос. Не «я люблю деньги», а «я люблю себя через то, что я решаю, как их тратить». Телефон за пятнадцать тысяч, это не про пятнадцать тысяч. Это про «я решаю». Про «я».

Смотрю на руки. Думаю: если бы телефон стоил три тысячи, я бы тоже сказал «после дня рождения»?

Да. Сказал бы.
Значит, не про деньги. Про «я».
Прости, Господи, мне прости. Даже когда ведаю.

Среда, 24 сентября

Утро. Тихое время

Прочитал 2 Тим. 3:2. Третье слово: алазон. По синодальному переводу: «горды». Открываю лексикон. Бахвал, хвастун, самохвал. Не «гордый» в русском смысле, не «я лучше всех», а «я говорю, что я лучше всех». Разница. Гордость может быть молчаливой. Алазон, это гордость кричащая, публичная. Гордость, которая нуждается в зрителе и аплодисментах.

Смотрю параллельные места. Рим. 1:30. Иак. 4:16, «вы хвалитесь гордостью». Глагол. Хвастаться. Действие. Не состояние, а действие. Алазон, это тот, кто хвалится. Не тот, кто гордится внутри, а тот, кто выставляет гордость наружу.

Думаю: почему Павел ставит алазон после филаутос и филаргуроса? Потому что алазон, это филаутос, который нашёл публику. Любитель себя, который начал говорить. Сребролюбие, которое начало рекламировать. «Горды», это публичная версия «себялюбивы».

И ещё: алазон без зрителя не существует. Если никто не слушает, хвастовство теряет смысл. Алазон нуждается в аудитории больше, чем в содержании. Что именно говорит актёр — неважно. Важно, что говорят ему. А ещё важно, что

его слушают.

Записал. Молюсь. Господи, покажи мне «алазон» в моём дне.

Офис. Утро. 10:00

Совещание по поставкам.

Аркадий Витальевич:

— Я был на прошлой неделе в Москве. Встречался с людьми. Серьёзные люди. Понимают толк. Сказали мне: Аркадий, ваша продукция — это уровень. Федеральный уровень. Я им говорю: господа, мы только начали.

Серьёзные люди. Федеральный уровень. «Мы только начали». Три фразы, каждая из которых требует зрителя. Аркадий Витальевич не просто рассказывает о поездке. Он хвастается. Алазон. Публика, это мы. Семь сотрудников и один АХО, которые слушают, потому что надо слушать.

Но есть тонкость. Аркадий Витальевич хвастается не успехом, а потенциалом. «Только начали». Не «мы достигли», а «мы ещё достигнем». Это умнее. Хвастовство будущим. Алазон, который не может быть опровергнут, потому что будущее ещё не наступило.

Прости, Господи. Не ведает.

Вечер. 19:05

Домашняя группа. У Петра и Натальи. Чай, печенье, Слово.

Тема вечера: свидетельства. Каждому предлагается поделиться, что Бог сделал за неделю. Нормальная практика. Нормальная?

Зоя начинает. «Братья и сёстры, я хочу посвидетельствовать. На прошлой неделе у меня болела спина. Сильно болела. Я не могла встать с кровати. Но я молилась. И Господь исцелил меня. На третий день боль прошла. Слава Богу».

Наталья: «Аминь! У меня тоже свидетельство. Я три месяца молилась о повышении зарплаты мужу. И на этой неделе Петру предложили новую должность! Слава Богу!»

Пётр, тихо: «Это не повышение, это перевод с изменением функционала».

Наталья: «С изменением функционала и повышением оклада на двадцать процентов, Петр».

Валентин: «Братья, я хочу поделиться. На работе у меня коллега-атеист. Всегда спорил. А на этой неделе он подошёл и спросил: Валентин, а почему ты всегда спокойный? И я рассказал ему про Христа. Он заплакал».

Олег Петрович: «Слава Богу! А у нас на работе кальций освятили! То есть, я хотел сказать, у нас на работе Бог благословил наш продукт».

Смотрю на это. Алазон. Каждый алазон. Зоя хвастается исцелением. Наталья хвастается повышением. Валентин хвастается плачущим атеистом. Олег хвастается намоленным кальцием. Каждый вроде говорит о Боге, но вроде как говорит о себе через Бога. «Бог сделал это для меня». Не «Бог сделал это», а «для меня». «Горды» с духовной обёрткой.

А я молчу. Я не свидетельствую. Сижу тихо. Пью чай. Ем печенье. Думаю: «я не алазон. Я молчу. Я не хвастаюсь. Я скромный».

Прости им, Господи. Тем, которые горды и не ведают.

Вечер. После группы. 21:40

Иду домой. Алиса рядом. Молчит. Я тоже молчу.

Через десять минут:

— Алиса, ты заметила сегодня?

— Что?

— Свидетельства. Все хвастались.

— И ты?

— Я молчал. Я не свидетельствовал. Я не хвастался.

Алиса молчит. Долго. Потом говорит тихо:

— Макс, ты молчал, потому что ты скромный, или потому что тебе нечем было хвастаться?

— Я молчал, потому что я не «алазон».

— Макс.

— Что?

— Ты молчал, и ты этим хвастался. Прямо сейчас. «Я не хвастаюсь, в отличие от них» — твои слова? Это алазон наоборот. Алазон от обратного. Хвастовство молчанием. Ты хвастался тем, что не хвастался. Передо мной. Перед собой. Перед Богом. Господи, спасибо, что я не таков, как прочие люди. Это же знакомая фраза, Макс?

Молчу.

Она права. Фарисей из Лк. 18. «Боже, благодарю Тебя, что я не таков». Я молчал в группе, и внутри благодарил Бога, что я не Зоя, не Наталья, не Валентин, не Олег. Что я, Макс, вижу алазон, а они нет. Что я глубже. Что я духовнее.

«Горды» от обратного. Хвастовство молчанием. Самый тонкий вид. Самый опасный. Потому что его невозможно заметить. Потому что он выглядит как смирение. Потому что он и есть смирение, только перевёрнутое.

Прости, Господи, мне.

Четверг, 25 сентября

Утро. 6:40

Хиперифанос. Вот слово. От гипер — «над», «выше», и файно — «показываю». Буквально: показывающий себя выше других. Ах да, а то непонятно: читаю 2Тим.3:2 «Ибо люди будут… надменны…»

Надменный — это не просто гордый. Гордый может быть гордым внутри. Надменный — должен что-то показывать. Ему нужен тот, кто ниже. Без того, кто ниже, над-менный не существует. Потому что он должен быть «над».

Иаков 4:6: «Бог гордым противится, смиренным даёт благодать». Пётр повторяет то же (1 Пет. 5:5). Оба цитируют Притчи 3:34. Слово «противится» — антитассо — буквально «выстраивает против». Бог выстраивает Себя напротив надменного. Как армия напротив армии.

Вопрос: надменность — это причина или следствие? Бог противится, потому что человек надменен? Или человек надменен, потому что отверг благодать, и тогда Бог противится этому уже как следствие?

Сначала казалось: причина. Потом подумал: а откуда берётся надменность? Если благодать даётся смиренным, значит, надменный уже благодать отверг. Он не стал надменным

после. Он стал надменным, потому что сказал «сам». И тогда «противится» — не наказание, а факт. Если ты идёшь на север, юг противится. Это не юг виноват.

Кофе остыл.

13:15. Офис

Совещание у Аркадия Витальевича. Присутствуют: Олег Петрович, Людмила из отдела продаж, я (потому что кулер сломался в переговорной, и я пришёл его чинить).

АВ презентует новую стратегию выхода на рынок ионизаторов. Слайд 1: «ЮгХимГазФарм: здоровье через инновацию». Слайд 2: «Почему мы?». Слайд 3: «Конкуренты». На слайде — логотипы четырёх компаний, перечёркнутые красным крестом. «Эти, — АВ обводит указкой, — эти не понимают, что рынок изменился. Мы понимаем».

Олег Петрович кивает. Людмила записывает.

Я стою на корточках перед кулером и думаю: АВ — хиперифанос. Он стоит над ними. Он стоит надо мной (буквально, ведь я на корточках). Но главное — ему нужны они внизу. Без Олега, кивающего, без Людмилы, записывающей, без меня, чинящего кулер, нет АВ. Хиперифанос без тех, кто ниже, не существует.

Кулер зашумел. Вода потекла. АВ: «Макс, ты там закончил? Садись. Слушай. Тебе тоже полезно».

Я сел. Мне было полезно. Только не то, что АВ думал.

16:40. Чат жильцов

Раиса Степановна: «Уважаемые соседи! По результатам обхода территории выявлено: детская площадка требует срочного ремонта. Качели сломаны. Горка треснула. Ответственный за площадку не установлен. Предлагаю собрать по 800 рублей с квартиры на восстановление. Оплату прошу на карту 4276»…

Сергей из 47-й: «Раиса, вы опять? Сначала ящики, теперь площадка. У вас там бизнес на соседях?»

Раиса: «Сергей, я действую в интересах всех. Если вам безразлична безопасность детей, это ваше право. Но я за неё отвечаю».

«Отвечаю». «За неё». Раиса — хиперифанос. Она стоит над двором. Она знает, что нужно. Она ответственна. А Сергей — тот, кто ниже. Ему объясняют.

Я хотел написать: «Раиса, а смету можно?» Но не написал. Потому что тогда я тоже стану «хиперифанос»: тем, кто стоит над Раисой с вопросом, который её поставит на место. И мне нужна Раиса внизу, чтобы я был сверху.

Не написал. Лайкнул сообщение Сергея. Тоже не горжусь.

Вечер. 22:10

Тима (15) за ужином:

— Пап, а можно я не пойду в воскресенье в церковь?

— Почему?

— Просто не хочу.

— Это не аргумент.

— Это мой аргумент.

Я посмотрел на него. Он смотрел на меня. Алиса смотрела на обоих.

— Тима, — сказала Алиса, — кушай.

После ужина Алиса мыла посуду. Я стоял рядом. Вытирал.

— Ты ему не ответил, — сказала она.

— Я ответил. «Это не аргумент».

— Это не ответ. Это позиция. Ты встал над ним. Он сказал «не хочу», ты сказал «это не аргумент». Ты не спросил, почему. Ты не поговорил. Ты показал, что ты выше.

Я молчал.

— Ты гипер… как его, — сказала Алиса.

— Хиперифанос, — авторитетно уточнил я.

— Вот. Ты ему хиперифанос. А он тебе — нет. Он просто сказал правду. Не хочу. Когда ты последний раз сказал «не хочу» и это было принято как аргумент?

Я вытирал тарелку. Тарелка была чистая. Я продолжал вытирать.

— Ты выше него, — сказала Алиса. — Но не потому, что ты прав. А потому, что ты папа. Это разные вещи.

Прости мне, Господи. Мне.

Пятница, 26 сентября

Утро. 6:45

Читаю: «злоречивы» — бласфемой. От блапто, «вредить», «ранить», и феме, «речь», «слух», «репутация». Буквально: речью ранящий. Злоречивый — не тот, кто говорит зло. Тот, чьи слова ранят. Разница тонкая, но важная. Можно сказать доброе и ранить. Можно сказать злое и не ранить. Злоречие — не в содержании, а в направлении. Куда летит слово и в кого.

Деяния 6:13: лжесвидетели против Стефана. «И представили свидетелей, которые сказали: этот человек не перестаёт говорить слова сии против святого места сего и закона». Лжесвидетели. Не просто ложь, ложь, которая ранит. Бласфемой против Стефана. Причём сказано убедительно и вроде как духовно: «Против святого места». «Против закона». Злоречие в религиозной обёртке — самое опасное, потому что рана выглядит как праведность.

2 Петра 2:11: «тогда как и ангелы, будучи больше их в силе и крепости, не произносят против них укоризненного суда». Ангелы. Сильнее нас. Выше нас. И — молчат. Не потому что не знают, что сказать. Потому что знают цену слову.

И вот мысль: если ангелы, которые больше, не произно-

сят укоризненного суда, то кто мы такие? Злоречие — это превышение. Не силы. Полномочий. Мы говорим то, на что не имеем права. Даже если это правда. Особенно если это правда.

Кофе остыл. Опять.

Вечер. 19:30

Дедуктивная группа. Пятница, 19:30, снова дом Петра и Натальи. Ремонт библиотеки продолжается. Девиз строителей, делающих ремонт: «Кто не работает, тот друг, товарищ и брат».

Чай, печенье «Юбилейное» — уже были. Теперь — Библия.

Сегодня 2 Тим. 3:1—5. Первый раз с нового сезона. Пётр открыл:

— Итак, давайте начнём с общего принципа. Павел перечисляет признаки последнего времени. Наша задача — увидеть, как это применимо к нам. Дедуктивно: от текста к жизни.

Зоя:

— Я сразу вижу «самолюбивы». Это везде. Вчера в магазине женщина оттолкнула мою тележку. Самолюбие чистой воды.

Наталья:

— А «сребролюбивы» — это про богатых?

Валентин:

— Нет, это про всех. Но особенно про тех, кто думает, что не сребролюбив.

Олег Петрович:

— Хотел бы заметить: «злоречивы». Вот это очень актуально. Сегодня в отделе один сотрудник… я не буду называть имён… но я ему сказал прямо: «То, что ты делаешь, — грех». Прямо. Честно. Это не злоречие, это обличение.

Пётр:

— Олег, а он просил обличения?

Олег:

— Нет. Но я посчитал нужным.

Пётр:

— Тогда вопрос: обличение без просьбы — это что?

Тишина. Печенье хрустит.

— Это… — Зоя начинает.

— Это блапто, — говорю я. — Блапто феме. Речь, которая ранит. Стефана обвиняли что он «против закона». Олег обвиняет что «против греха». Обёртка разная, направление одно: слово летит в человека.

Олег посмотрел на меня. Не весело.

— Макс, ты что, считаешь, что обличать — нельзя?

— Я считаю, что ангелы не обличают. Если они — больше, а мы — меньше, то нам-то зачем?

Олег замолчал. Не потому что согласился. Потому что не нашёл, что сказать. Печенье хрустело.

Потом Зоя:

— А «наглы» — это про социальных сетей?

— Мы до «наглы» ещё не дошли, — сказал Пётр.

Вечер. 22:45

Лежу. Алиса спит. Тихо.

Переписываю в голове разговор в группе. Олегу я сказал «блапто». Ранил Олега? Или обличил?

Думал об этом. И понял: я обличил Олега в злоречии. Тем же злоречием. «Ты злоречивый». Бласфемой, который обвиняет в бласфемой. Рана, которая ранит за рану.

И ангелы молчат. А я не смолчал. Потому что знал. Потому что был прав. Потому что группа слушала. Потому что Пётр кивнул. Потому что я был умнее Олега в этот момент.

И это — бласфемой. Не потому что сказал неправду. А потому что правда полетела в человека. И ранила. И я знал, что ранит. И хотел, чтобы ранила.

Прости, Господи, мне.

Суббота, 27 сентября

Утро. 7:50

Поспал подольше. Имею право — суббота.

Читаю: «…родителям непокорны». Гонеусин апейтейс. Гонеусин — родителям. Апейтейс — непокорны. От «а» — «не», и «пейто» — «убеждать». Буквально: «неубеждаемые родителями». Не «непослушные». Не «нарушители». Неубеждаемые. Те, кого нельзя убедить. Родитель говорит, а внутри не двигается. Внешне может кивать. «Хорошо, хорошо, папа». Внутри — нет. Пейто — это про внутренний сдвиг. Апейтейс — когда сдвига нет.

Луки 1:17: «обратить сердца отцов к детям, и непокорных к разуму праведников». «Непокорных» — тех же апейтейс. И вот лучик надежды: цель не «сделать послушными». Цель — «обратить к разуму». Не «послушание», а «мудрость». Бог не говорит «сделай детей послушными». Он говорит «приведи их к мудрости». Послушание — следствие мудрости, не наоборот.

И ещё: «обратить» или — повернуть. Не «заставить». Повернуть. Как дорога поворачивает. Не рывком, а постепенно. Непокорный поворачивается к мудрости медленно. И это — нормально. Это — процесс. А мы хотим результат: «послу-

шайся немедленно».

Позвонил маме. Спросил, как здоровье. Сказала: «нормально». Я сказал: «ну хорошо». Повесил трубку. Две минуты. Я неубеждаемый?

14:00

Суббота. Тима в наушниках. Саша (6) рисует ёжика. Алиса гладит рубашки. Я помогаю.

— Тима, — говорю, — ты вчера сказал «не хочу» насчёт церкви. Я не ответил. Давай поговорим.

Тима снял один наушник. Один.

— Ну.

— Почему не хочешь?

— Потому что скучно. Сидеть два часа. Слушать дядьку. Потом стоять у чайника и улыбаться людям, которых не знаю.

— Это аргумент?

— А что, не аргумент?

Внутри меня что-то сказало: «это не аргумент». Вчерашнее. Хиперифанос. Я услышал это и не сказал. Просто сказал:

— Понимаю.

Тима надел наушник обратно.

Алиса из кухни:

— Макс, ты гладишь рубашку или медитируешь?

Я гладил рубашку и думал: Тима — апейтейс. Неубеждаемый. Но не потому что упрямый. Потому что ему нечем убеждать. «Сидеть два часа, слушать дядьку, улыбаться». Это не разум праведников. Это — программа. А Луки 1:17 говорит: обрати непокорных к разуму. Не к программе.

Вечер. 23:00

Лежу. Тихо.

Думал про Тиму. Думал: он неубеждаемый. А я? Я утром прочитал «непокорным — к мудрости праведников». И что сделал? Позвонил маме. Две минуты. «Как здоровье? Нормально. Ну хорошо». И повесил.

Маме 71. Она одна. Папа умер четыре года назад. Она звонит мне каждый день. Я отвечаю. Иногда не отвечаю. Когда отвечаю — «ну что, нормально?». Когда не отвечаю — «потом перезвоню». Потом не перезваниваю.

Апейтейс. Неубеждаемый. Мама говорит: «позвони, Макс». Внутри — не двигается. «Потом». «Некогда». «Она же понимает». Не понимает. Не понимает, почему две минуты — это всё, что я могу. Не понимает, потому что она — гонеусин. Родитель. А я — апейтейс. Непокорный.

Не «непослушный». Неубеждаемый. Мама не просит послушания. Она просит разговора. А меня нельзя убедить, что разговор важен. Потому что я знаю лучше. Я знаю, что у меня дела. Я знаю, что два часа в церкви — это скучно. Я знаю.

Тима знает, что сидеть два часа — скучно. Я знаю, что звонить маме — потом. Один и тот же апейтейс. Только Тиме 15, а мне 40. И я должен был научить его мудрости. А я не умею. Потому что я сам — неубеждаемый.

Позвоню завтра. До церкви. Чтобы не как «надо», а как «хочу». Посмотрим.

Прости, Господи, мне.

Воскресенье, 28 сентября

Утро

Проснулся раньше будильника. Это не духовность, это Саша в шесть утра решил, что воскресенье — отличный день, чтобы поплакать. Алиса встала, я притворился спящим. Потом стало стыдно. Встал.

Тихое время на кухне. Все спят. Чай, Библия, тетрадь.

2 Тим. 3:2. Сегодня одно слово. Ахаристои. Неблагодарные.

В Синодальном переводе — «неблагодарны». В греческом — ахаристой. А (отрицание) + харис (благодать, дар, благодарение). Буквально: без-благодарные. Без-дарные. Не в смысле «таланта нет», а в смысле «дара не видят». Им дали, а они не заметили. Им подарили, а они приняли как должное.

Слово встречается в Новом Завете всего дважды. Здесь и в Луки 6:35: «Ибо Он благ и к неблагодарным и злым». Получается, Бог благ к ахаристой. К тем, кто не замечает Его даров? К тем, кто принимает как должное? Хм.

Лексикон: «без благодарности, нечувствительный к благодеяниям». Не «негативный» и не «злой». Просто нечувствительный. Ему дали, а он не почувствовал, что ему дали. Руки приняли, сердце не заметило.

Ахаристой — это не тот, кто «не говорит спасибо». Это «не видит, что ему дали». Можно говорить «спасибо» сто раз в день и быть неблагодарным. Можно не говорить ни разу и быть благодарным. Дело не в словах. Дело в том, видишь ли ты дар. Чувствуешь ли, что тебе что-то дали, чего ты не заслужил. Или всё воспринимаешь как свою заслугу, своё право, свою норму?

Если себялюбие — корень, то ахаристой — плод. Любящий себя не благодарит, потому что считает, что ему всё причитается. Мне дали зарплату — конечно, я заслужил. Мне приготовили ужин — конечно, она же жена. Мне дали жизнь — конечно, я же жил правильно. Нет дара. Есть зарплата. Есть обязанность. Есть норма.

Неблагодарны — это когда «должны» заменяет «спасибо». Когда «так надо» заменяет «это дар». Когда «мне полагается» заменяет «мне дали». И всё. Тихо. Незаметно. Без скандала.

Сегодня воскресенье. Церковь. Посмотрю, кто благодарен, а кто ахаристой. Впрочем, в церкви все благодарны. Это принято.

Утро. 9:30. Церковь. Парковка

Приехали. Мест нет. Точнее, есть, но их заняли те, кто приехал раньше. Как логично. Ставлю на газон. Алиса молчит. Это плохой знак. Неблагодарная?

10:00. Собрание

Пётр проповедует. Хорошо. Про благодарность, как ни странно. Не про наше слово, просто совпадение. Из Луки 17. Десять прокажённых, один вернулся благодарить. Девять не вернулись. Исцелены, но ахаристой.

Пётр говорит: «Благодарность — это не вежливость. Это позиция. Либо я вижу, что мне дали, либо я считаю, что мне всё положено». Хорошо. Коротко. Понятно.

11:40. После проповеди. Чаепитие

Вот тут начинается.

Первой подходит Наталья. Наливает чай, кивает на проповедь:

— Ну, Пётр сегодня так себе. В прошлый раз лучше было. Про десять прокажённых — это же избито. Каждая вторая проповедь про них.

Валентин подхватывает:

— И вообще, формат надо менять. Сидим, слушаем. Надо дискуссию. Чтобы народ участвовал, а не спал.

Зоя:

— Зал холодный. Я каждый раз говорю, что надо кондиционер на потеплее ставить. Никто не слушает. У меня спина.

Олег Петрович:

— А я вот не согласен с Петром насчёт позиции. Благодарность — это эмоция, а не позиция. Можно занимать позицию и быть мёртвым внутри. Вот у меня намоленный кальций продаётся хорошо, я благодарен? Нет. Я доволен. Разница.

Лидия, жена Валентина, тихо:

— А я благодарна. За чай. Что он есть.

Все на секунду замолкают. Потом Валентин:

— Лидия, это другое.

И разговор течёт дальше. Про кондиционер. Про формат. Про то, что Пётр в прошлый раз был лучше.

Стою, пью чай. Смотрю. Девять прокажённых стоят у чайника. Все исцелены, никто не вернулся. А Лидия — десятый. «За чай. Что есть». И на неё посмотрели как на странную.

12:00. Стоянка

Разгружаемся из церкви в машину. Алиса несёт Сашу. Тима идёт впереди, в наушниках. Настя идёт с подругой, они обсуждают кого-то, смеются.

Я несу сумку с Библиями. Вспоминаю: «Пётр сегодня так себе». «Зал холодный». «Формат надо менять». «Избито». Ни один человек не сказал: «Спасибо, Пётр». Ни один. В том числе я.

Притом что Пётр готовился. Встал. Говорил. Отдал. А мы

приняли как должное. Как зарплату. Как норму. «Ну, он же пастор, это его работа». Неблагодарны. Все девять у чайника. А десятый не вернулся, а просто поблагодарил за чай.

Вечер. 19:00. Ужин

Алиса приготовила борщ. Настоящий, не из пакета. Со сметаной. С чесноком. С тем самым чесноком, который я должен был купить вчера и не купил.

Сижу. Ем. Вкусно. Молча. Алиса убирает тарелку.

— Ну как? — спрашивает.

— Нормально, — говорю.

Алиса ставит тарелку в раковину. Тихо. Не зло. Просто тихо.

20:30. Кухня

Саша уже спит. Тима в комнате, делает вид, что делает уроки. Настя ушла к подруге. Сижу с Алисой. Она моет посуду. Я сижу. Это я потом понял, что сижу, а она моет.

Думаю про ахаристой. Про Наталью, Валентина, Зою, Олега. Про то, как никто не поблагодарил Петра. Как все приняли как должное. Как девять прокажённых.

Алиса протирает стол. Ставит передо мной чай. Я не поднимаю глаз от тетради.

— Спасибо, — говорю. Не поднимая глаз.

— Не за что, — говорит Алиса. И добавляет: — Макс, ты сегодня сказал «нормально» на борщ, который я варила два часа. Не «вкусно». Не «спасибо». «Нормально». Как оценка. Как проверка. Как будто я сдала экзамен и ты поставил тройку.

Поднимаю глаза. Алиса стоит, скрестив руки. Не злится. Просто смотрит.

— Я не… — начинаю.

— Ты не заметил, — говорит она. — Вот в чём дело. Не злобно. Не зло. Просто не заметил. Борщ, чеснок, который ты не купил, а я нашла по соседям. Саша не спал до семи, я укачивала. Ты читал Библию. Тихое время. Святое дело. А я варила борщ без чеснока, который ты должен был принести, и искала его по соседям.

Молчу.

— И ничего», — продолжает Алиса, уже тише. — Я не за спасибо. Я к неблагодарности привыкла. Только не от тебя.

Вот слово. Ахаристой. Алиса его не знает. Она сказала «неблагодарный». Но я-то знаю. Я утром читал. Разбирал. Записывал. А к обеду забыл. И вечером меня назвали тем словом, которое я утром анализировал.

Противное слово. Ёмкое. Не «не говорит спасибо», а «не видит, что ему дали». Алиса дала борщ, тёплый дом, укачанного Сашу, найденный по соседям чеснок. А я сказал «нормально». Не «дар». «Норма». Мне полагается борщ. Мне полагается чистая кухня. Мне полагается укачанный ребёнок.

Мне полагается тихое время для Библии.

А мне ничего не полагается. Всё это — дар. Каждый борщ — дар. Каждая чистая тарелка — дар. Каждый час, когда Алиса стоит на кухне, а я сижу с тетрадкой, — дар.

А я — «ахаристой». Вот что обидно. Я-то думал, я один из десяти вернулся. А я из девяти.

22:30. Спальня

Алиса уже спит. Лёжа рядом, шепчу в подушку:

«Прости, Господи, мне. За „нормально“. За борщ без „спасибо“. За то, что видел ахаристой в Наталье и не увидел в себе. Аминь».

Неделя третья

Понедельник, 29 сентября

Утро

Проснулся с мыслью: вчера Алиса назвала меня неблагодарным, а я утром собираюсь анализировать это слово дальше, как будто это лабораторный образец. Не я слово изучаю. Оно меня.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, купив полную легальную версию на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.